

– В последний раз говорю, Лила!! Я никогда тебе не изменял!

Мой голос сорвался, действительно сорвался, эхом разлетаясь по обшарпанной квартире, словно рикошета от каждой покрытой подтеками стены. Где-то дальше по коридору через тонкий гипсокартон бормотал пузатый телевизор, добавляя странный закадровый смех из ситкома, который резко контрастировал с тем фактом, что моя жизнь рушилась.

Я понял, что меня загнали почти в самый угол. Мои руки дрожали, и мне было тошно от осознания того, что она это видит.

Я не был крупным парнем — скорее жилистым. Телосложение бегуна. Легкий загар, темно-коричневая стрижка «волчица», касающаяся плеч — образ, в котором я обычно чувствовал себя круто.

Сейчас же я, вероятно, выглядел как побитый пес.

Раздраженный. Заплаканный.

Более хрупкий, чем мне хотелось признавать.

Лила стояла передо мной — того же роста, может, на дюйм ниже. Обычно она была... прекрасна. Я раньше хвастался этим. Русые волосы до спины, подводка для глаз достаточно острая, чтобы убить кого-нибудь даже без ножа, который она сейчас держала.

Но теперь те же черты исказились во что-то ужасающее. Ее глаза покраснели от слез, подводка полосами стекала по щекам, словно боевой окрас. Лезвие в ее руке поблескивало под мерцающим светом в прихожей.

– Обри мне, черт возьми, совсем не это рассказала, – отрезала она.

Обри.

Вот же сука.

Почему она не могла заниматься своими чертовыми делами?

Я молчал, пока Лила разглагольствовала, превращая слова Обри во что-то еще более гнусное, чем то, с чего начался этот беспорядок.

Обвинение само по себе было безумным, но Лила... она бы поклялась, что небо фиолетовое, если бы это дало повод обвинить меня в чем-то.

Я наконец выдохнул, чувствуя, как усталость бьет в грудь.

– Почему ты веришь ей? После всего? После двух лет и пяти месяцев...

Она не хотела этого слышать. Что-то в ее лице изменилось, словно лопнула струна.

И внезапно она оказалась ближе.

Слишком близко.

Окончательно загнав меня в угол.

– Неважно, было это или нет... – прошептала она.

Ее свободная рука поднялась, кончик пальца медленно проскользнул по моей щеке. Мягкость этого прикосновения пугала сильнее, чем нож.

– Тот факт, что я вообще представила, как ты касаешься кого-то другого... тот взгляд, который ты бросил на эту тупую блондинистую подстилку... этого уже достаточно для предательства.

Ее улыбка растянулась — мягкая, искаженная, безумная.

– Но не волнуйся.

Она наклонилась, ее голос обжег мне ухо.

– Я уже решила эту проблему.

Слова ударили по мне, как скоростной поезд.

Решила? Какую еще проблему?

– Лила... – Сердце забило так сильно, что я почувствовал пульсацию в глазах. – Что ты имеешь в виду?

Она нахмурилась, почти раздраженная вопросом.

– Если она была угрозой для нас, у меня не было выбора, кроме как избавиться от нее.

В голове всё помутилось. С ней всё было нормально до тех пор, пока две недели назад не началось это безумие. Какого черта вообще вызвало эти перемены? Почему я? Почему, черт возьми, я должен быть в центре этого кошмара?

Мой голос звучал натянуто. Я чуть не поперхнулся собственными словами.

– Что ты, мать твою, натворила, Лила?!

Она нахмурилась, ее собственное раздражение закипало, а гнев начал разгораться.

– И чего ты так разволновался? На ее месте мог быть ты. Тебе бы это больше понравилось?

– Мне бы больше понравилось, если бы ты никого не убивала!!

Мой крик сотряс всю комнату. Лила просто нахмурилась — не грустно... скорее с раздражением.

Прежде чем кто-то из нас смог снова заговорить...

БАМ.

Глухой, яростный голос сверху, с безошибочно узнаваемым чикагским акцентом:

– Завалите там ЕБАЛЬНИКИ!!

Никто из нас не ответил. Последовавшая тишина была острой как бритва.

– Лила, что, черт возьми, в тебя вселилось??

Я старался говорить тише. Не получилось. Разочарование вырвалось из меня, сырое и уродливое.

Она наклонила голову, отступив на долю секунды.

– Я просто подумала...

– Нет, ты ни о чем не думала!! Ты ведешь себя импульсивно как черт знает кто! Ты портишь мое будущее! Ты втянула меня в это дерьмо!

На этот раз она действительно выглядела задетой, услышав слова, которые я выплюнул ей в лицо. Искренне — всего на мгновение.

– Я думала, ты сказал, что мы будем в этом вместе... что бы ни случилось...

– Не в том случае, если ты, блин, кого-то убиваешь!

– выпалил я в ответ.

– Ты думаешь, я хочу сесть в тюрьму из-за этого? Думаешь, я был отличником просто так, Лиля? Я собирался поступить в Лигу Плюща, черт возьми! Почему ты такая эгоистка!?

Это слово сломало ее.

Ее глаза расширились, а затем превратились в ледяную ярость.

– Эгоистка? Я эгоистка, Эдриан??? – прошипела она, вцепившись в мою рубашку до белизны костяшек. – Я всё делаю для тебя.

Прежде чем я успел ответить, всё снаружи, казалось, изменилось.

Где-то неподалеку что-то взорвалось. Огненный шар? Машина? Мне было плевать — я просто почувствовал жар, коснувшийся моего лица через тонкое стекло.

Еще до того, как мои чувства успели прийти в себя после этого, улицы прорезали крики, резкие и надрывные, отражающиеся от треснувших бетонных стен, заставляя мои кости вибрировать.

Честно говоря, в тот момент я даже не расслышал, что говорила Лиля.

Но всё же,

Ее нож напомнил мне, что она всё еще здесь. Холодный металл прижался к моему горлу.

Слишком много дерьма происходило вокруг, чтобы я мог за всем уследить.

– Я убивала ради тебя, я бы умерла ради тебя... – голос Лилы дрожал от ярости.

– И у тебя хватает наглости называть меня эгоисткой???

Я смотрел на нее, в моих глазах промелькнуло что-то похожее на страх и бессилие.

В этот момент телевизор мигнул.

Канал переключился сам собой — на срочные новости.

Лиля лишь слегка ослабила хватку. Она сосредоточилась на периферии, свет телевизора отражался в ее глазах.

Репортер лихорадочно объяснял нечто невозможное.

Ведущий новостей (в студии):

— Мы прерываем плановую трансляцию экстренными новостями из нескольких районов Саут-Сайда и Вест-Сайда. Полиция реагирует на то, что они называют «общегородским инцидентом с применением насилия». Подробности всё еще поступают, но мы выходим в прямой эфир с нашим репортером на 63-й улице. Майя, что вы можете нам рассказать?

Репортер, судя по всему, находилась прямо на улице, она тяжело дышала.

— Да, Джим... ситуация... она обостряется быстрее, чем власти успевают ее сдерживать. За последние двадцать минут поступили десятки звонков о людях, нападающих друг на друга без разбора. Мотивы неизвестны, никакой предварительной связи между жертвами и нападавшими нет.

Позади нее слышен отдаленный крик.

— Полиция призывает жителей оставаться внутри и запирает двери. Мы уже видим, что бригады скорой помощи перегружены. Несколько офицеров охарактеризовали нападавших как — э-э — не реагирующих на команды, крайне агрессивных и проявляющих признаки... неадекватного поведения.

Еще один выкрик. Что-то с грохотом падает рядом.

— Одну минуту... извини, Джим... там — там группа движется по улице прямо сейчас, и похоже... так, друзья, мы отходим — отходим...

Камера дергается, изображение дрожит. Какой-то силуэт бросается через дорогу.

Она запаниковала.

— Джим... Джим, они нападают на людей без причины! Они не останавливаются... они...

Она кричит. Микрофон улавливает глухой удар, камера резко уходит в сторону, и из динамиков доносится влажный, захлебывающийся звук.

Оператор:

— УХОДИМ, УХОДИМ — НАЗАД! НАЗАД!

Второй крик. Камера падает на землю. Шаги. Что-то волочится по бетону.

Ведущий в студии был в полном ужасе, наблюдая за происходящим.

— Майя? Майя, ты нас слышишь? Майя?..

Помехи.

У меня кровь застыла в жилах, в глазах отражался фиолетовый свет экрана.

В животе образовалась ледяная пустота.

– Да пошло оно всё, – пробормотал я, отталкивая Лилу. – Я сваливаю.

Ее глаза расширились.

– Стой... ты куда??

– Подальше от тебя. Между нами всё кончено, Лиля!

– Эдриан, подожди! Снаружи слишком опасно!

Сказать по правде, я даже не знал, куда направляюсь. Моя семья в Нью-Джерси. Мне особо не о ком было заботиться здесь.

Нью-Джерси...

Черт, я же должен был скоро уехать туда в колледж. Всё могло быть так здорово.

Бросив на Лилу последний взгляд, я не мог не подумать, что почему-то... почему-то во всем этом виновата она.

Это... принесло мне утешение.

Ручка двери поддалась, когда я шагнул наружу. Даже несмотря на резню вокруг, я почувствовал облегчение.

Я наконец-то был далеко от этой сумасшедшей.

Но... облегчение испарилось, когда я почувствовал, как в коридоре этажом ниже в мою спину уставились голодные глаза, полные жажды крови.

Что-то мокрое проскрежетало по бетону.

<http://erolate.org/book/2677/279450>